

Ложкина А.С.

Факторы формирования образа Японии в советском общественном сознании 30-х годов XX в.

В процессе взаимодействия двух стран, развития их отношений, складываются определенные представления, взгляды друг о друге, т.е. формируется некий образ. Это достаточно сложный, многофакторный процесс.

На формирование образа другой страны имеют влияние следующие факторы: природно-географические, климатические, цивилизационные, религиозно-конфессиональные, историко-культурные, уровень развития экономики, бытовая культура, обычаи, высокая культура. Немаловажную роль играет близость, пограничность и дальность стран, т.е. топологический фактор.

Формирование представлений о «чужом» происходит в результате влияния различных источников информации (политических коммуникаций) на общество. Политика не существует вне человеческой деятельности, вне коммуникационных процессов, связывающих, направляющих общественно-политическую жизнь. Политическая коммуникация выступает своеобразным социально-информационным полем политики. Современными исследователями под политической коммуникацией понимается процесс передачи политической информации, ее перемещения как внутри политической системы между ее элементами и подсистемами, так и между политической системой и обществом [1, с. 24].

Коммуникация возникла и развивалась вместе с самим обществом, во все времена правители проявляли интерес к ней, прекрасно осознавая, что их успехи во многом зависят от степени владения искусством влиять на политические взгляды граждан. Власть всегда пыталась направлять политическую коммуникацию в нужное русло, контролировать информационные потоки в соответствующих обществах.

Воздействие государства на политику и общество бывает прямым и косвенным, его результаты могут проявляться как незамедлительно, так и по прошествии времени. О прямом, или непосредственном воздействии можно говорить применительно к таким видам политической деятельности, как призыв к участию в выборах, обращение за поддержкой того или иного политического курса, предложение одобрить и принять или, напротив, требование отклонить какой-либо законопроект. Косвенное воздействие сообщений проявляется в том, что они могут использоваться для создания неких «идеальных моделей», «образов» действительности и стереотипов, которые оказывают влияние на политическое сознание и действия политических элит и массовой общественности [2, с. 34].

В истории России ярким примером использования властью различных форм информационного воздействия на население страны является советское общество 30-х годов. К этому времени в СССР сложился особый тип политического режима, который принято характеризовать как тоталитарный. Ядром (центром) государства была коммунистическая партия большевиков во главе с И.В. Сталиным, которая отождествляла себя с государством и срослась с ним. В силу специфики сложившегося режима большую роль в укреплении власти руководства страны, в формировании социального поведения населения в нужном для государства направлении играла пропаганда. Под пропагандой понимается распространение информации в целях воздействия на общественное мнение и, в более глубоком смысле, на массовое сознание. Информация может распространяться в виде фактов, доводов и контраргументов, слухов, сознательной лжи и в иных формах, наиболее приемлемых и действенных с точки зрения пропагандиста.

Как отмечал американский исследователь П. Кенез, советское государство больше, чем любое другое государство в истории, уделяло внимание пропаганде [3, с.4]. В 30-е годы в условиях нарастания внутригосударственного конфликта по линии власть-общество, нерешенности экономических и социальных проблем руководство страны, используя систему агитационно-пропагандистских мер, создавало миф о внешней опасности со стороны капиталистических держав, представляло мир, как арену великой борьбы между силами прогресса, олицетворяемыми в первую очередь коммунистическим и рабочим движением, и силами реакции, причем победа первых была неотвратима. Создавая и внедряя политические мифы, государство пыталось сохранить и увеличить свою власть, мобилизовать человеческие ресурсы для решения поставленных задач, подавить внутреннюю оппозицию, контролировать эмоции и настроения масс.

Для создания общественного мнения, отвечающего требованиям времени, Сталин активно использовал различные средства политических коммуникаций. С начала 30-х годов советское руководство стало особо обращать внимание на дальневосточные границы. Связано это было с началом агрессивной политики Японии на Дальнем Востоке (18 сентября 1931 г. японская армия вторглась на территорию Манчжурии). Перед СССР встала угроза государственной безопасности, таким образом, Страна Восходящего солнца вошла в круг предполагаемых «врагов» Советского государства.

В течение данного десятилетия в советском массовом сознании активно пропагандировалось негативное отношение к Японии и японскому правительству. Формирование образа Страны Восходящего солнца шло внутри политической системы, по линии Сталин – соратники, между представителями политической элиты, а также между системой и обществом.

С началом японской агрессии в Манчжурии Сталин предпочитал вести осторожную политику в отношении Японии, так как Советский Союз еще был недостаточно подготовленным, чтобы дать отпор японской армии. Так, в письме от 23 сентября 1931 г. к Л.М. Кагановичу он отметил: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас не целесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились» [4, с. 116]. Таким образом, лидер советского государства определил для руководства страны линию отношения к Японии. В этом же письме Сталин указывал, как в печати необходимо представить данную информацию, а исходя из этого, что должен знать советский человек о событиях в мире, в особенности, о миролюбивом курсе внешней политики СССР. «В печати надо вести себя так, чтобы не было никаких сомнений в том, что мы всей душой против интервенции. Пусть «Правда» ругает всю японских оккупантов, Лигу Наций как орудие войны, а не мира... «Известия» должны вести ту же линию, но в умеренном и архисторожном тоне. Умеренный тон для «Известий» абсолютно необходим» [Там же].

Данную политическую линию советского руководства подтверждает майор Фудзицука (начальник русского отдела генштаба Японии) в своей лекции: «О советских вооружениях на границе северной Маньчжурии» он пишет: «В каком духе писали советские газеты и журналы, когда разразились маньчжурские события. Конечно, они писали о том, что это проявление японского империализма, что милитаристы творят насилия в Манчжурии и что правительство Японии не может обуздать военных. Они выражали сочувствие от всего сердца народным массам Китая. Критика велась обходным образом так, чтобы непосредственно не нападать на Японию. Применялся такой метод, что то, что трудно было говорить в СССР, заявлялось устами Коминтерна в Германии. Члены же правительства СССР и главный штаб Коминтерна избегали заявлять протесты Японии» [5, с. 60].

Но по мере наращивания военных сил на Дальнем Востоке, с увеличением разногласий по многим вопросам между странами, советское руководство переходит от политики умиротворения к более активным наступательным действиям, в частности, к открытой антияпонской пропаганде. В письме к Молотову и Кагановичу в октябре 1933 г. Сталин пишет: «По-моему, пора начать широкую, осмысленную (не крикливую!) подготовку и обработку общественного мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии. Надо развернуть это дело в «Правде», отчасти в «Известиях». Надо использовать также ГИЗ и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг. Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и положительными сторонами быта, жизни и условий в Японии. Понятно, что выпукло надо выставить (подчеркнуто Сталиным – Л.А.) отрицательные, империалистические, захватнически милитаристские стороны» [4, с. 396]. Это стало сигналом к долгосрочной антияпонской кампании, созданию негативного образа дальневосточного соседа, как в руководстве страны, так и в советском общественном сознании.

Таким образом, Сталин навязывал свои представления о Японии своим соратникам, определяя генеральную линию партии по отношению к данному государству. Главную роль в донесении этой информации до общества должны были играть центральная пресса и литература.

Также активно перемещение информации о состоянии советско-японских отношений шло среди элементов политической системы, а именно среди представителей партийного руководства. В качестве примера, можно привести письмо К.Е. Ворошилова к Я.Б. Гамарнику от 31 января 1932 г.: «Сталин вплотную занимается вопросами ДВ и только, поэтому удалось заставить промышленность взяться за сооружение 30 подводок (в этом году) 130-140 т водоизмещения на Ленинградском и Николаевском судостроительных заводах. Кроме того, промышленность взялась сделать в 32 г. 60 штук броневозов (Дырынковских). По нашей линии я лично слежу за всей работой. По имеющимся дополнительным сведениям японцы действительно ведут напряженную работу по подготовке войны и как будто бы к весне текущего года. Есть сведения, что зашевелились всерьез белогвардейцы, которые хвастаются возможностью выброски на территории СССР до 130 тыс. войск. Проектируется создание «русского» ДВ Правительства и прочая чепуха.

Все это, пока, слухи, весьма симптоматичные. Нужно нам работать всюю и побольшевицки, чтобы наверстать проморганное время» [6, с. 168]. Таким образом, Ворошилов представил информацию о Японии, как возможном противнике, тем самым формируя негативное отношение к этому государству.

Эволюция изменения отношения к Стране Восходящего солнца прослеживается в переписке Л.М.Кагановича и Г.К. Орджоникидзе. Так, в августе 1932 г. первый писал: «в международных делах некоторое затишье. Японцы пока заняты своими манчжурскими делами, в которых они основательно запутались. У нас с ними тоже затишье» [6, с. 126]. Но в сентябре следующего года он же отметил, что «Дела на КВЖД усложняются. Очень жаль, что ты не взял собой шифр ЦК. Наш протест по поводу предполагавшихся мер на КВЖД ты читал. Мы проект посылали хозяину, и он прибавил по существу всю 2-ю часть, т.е. самое интересное, о том, что за все несут ответственность японцы, а не бессильное Манчжоу-Го. Теперь они уже начали аресты. Вчера мы составили проект нового протеста и послали т. Сталину. Я его тебе посылаю. Во всяком случае обстановка на Дальнем Востоке становится все напряженнее, и нам нужно быть не только начеку, но и усиленнее готовиться» [7, с. 136].

Так, ссылаясь на мнение и высказывания Сталина, Ворошилов и Каганович передавали необходимую информацию другим представителям советской

политической элиты, которая должна была воспринимать это в качестве некоего постулата.

С помощью средств политических коммуникаций власть реализовывала в массах свои интересы. Начавшаяся по инициативе Сталина в конце 1933 г. антияпонская идеологическая обработка населения СССР имела одной из основных своих целей оправдать в глазах граждан усиление военного присутствия на советском Дальнем Востоке, укрепление границ, строительство в этом регионе предприятий военного значения.

Основным средством формирования общественного сознания выступала печать (на это указывал сам Сталин). Именно периодическая печать являлась мощным оружием воздействия на все социальные слои общества. Пресса использовалась для формирования в народных массах такого мнения по отношению к политике других государств, которое удовлетворяло власть.

В печати довоенного периода появлялись исторические статьи и заметки о зверствах и злодеяниях интервентов, особенно японских в годы гражданской войны, что способствовало постепенному созданию негативного отношения к Японии и японцам.

В основном в газетах освещались те или иные стороны военной политики Японии, нарастание антисоветских настроений в прессе Японии, писалось об арестах японских коммунистов, о японских шпионах, об ухудшении положения японцев в связи с мировым экономическим кризисом и милитаризацией государства. Например, в газете «Правда» за 8 декабря 1934 г. была опубликована заметка: «Японские газеты сообщают, что местные власти села Цуруката, в районе Тохоку, роздали голодающему населению 250 тюков риса, хранившегося в общественном амбаре села в течение 147 лет (выделено редакцией – Л.А.). Газеты утверждают, что рис годен к употреблению» [8, с. 5].

Таким образом, статьи и комментарии давали однобокую картину жизни японского общества, создавали представления о Японии как стране-агрессоре, стремящейся к захвату советского Дальнего Востока, всего Тихоокеанского региона, стране-эксплуататоре народных масс.

Характеристику советской антияпонской пропаганде дал генеральный консул во Владивостоке Ватанавэ в своем донесении японскому послу в СССР г-ну Оту: «За последнее время увеличилось количество газетных статей и отдельных печатных изданий, касающихся Японии. Особое внимание обращается на военное дело, дипломатию, идеологию и экономику Японии, отмечаются все неблагоприятные стороны (например, обнищание деревни, увеличение количества безработных, аварии японских самолетов и т.д.). Все эти печатные высказывания делаются в предельно бесцеремонном и оскорбительном тоне и стремятся доказать, что Япония в области хозяйства и идеологии, а также и по линии внешне политической находится в весьма критическом положении.

В речах руководящих советских работников, а также путем различной пропаганды, проводится линия усиления антияпонских настроений и рассеивания боязни в отношении Японии» [9, с. 25].

Следующим средством коммуникации являлась литература. Сталинское руководство хорошо понимало огромное значение художественной и драматургической литературы для формирования необходимых стереотипов общественного сознания. Советские писатели, объединенные в единый Союз, рассматривались в качестве одного из отрядов идеологических бойцов, а их книги служили «верным оружием» в борьбе за всемирную победу коммунизма. Художественная литература была прекрасным средством поднятия патриотизма населения страны. Основной темой произведений советских писателей о Японии являлась милитаризация страны, подготовка войны с

СССР. Так, в повести Б. Лапина «Подвиг» показано, как милитаристская пропаганда в Японии создавала национальных героев для взвинчивания шовинистических настроений в стране. В известном в 30-е годы романе В. Павленко «На Востоке» описывалась будущая война, развязанная против СССР японскими милитаристами. «Японские офицеры – существа без чести, без совести, занятые исключительно подсиживанием друг друга, к тому же это еще и звери – с корейцами, с пленными, с партизанами они расправляются невероятно жестоко, например, в массовом порядке режут уши крестьянам, подозреваемым в сочувствии к партизанам, каждое ухо нанизывается на веревочку; связки предъявляются командованию для получения вознаграждения. Участие в войне солдат-пролетариев объясняется тем, что их держали в невежестве; попав в плен, они мгновенно прозревают» [10, с.120]. Павленко в романе не преуменьшал вражеские силы, японскую армию он описал как опасного и сильного противника, который в течение долгого времени готовился к нападению. Но советская армия выдержала все. Этот роман в год его выхода удостоился эпитета «замечательного» произведения. Он был включен в указатели литературы, изданные в помощь учителям, библиотекарям, комсоргам, пионервожатым [11, с.189].

Несколько произведений Японии посвятил Б. Пильняк, который дважды посещал эту страну. В 1932 году вышла его книга «Камни и корни», где он сравнивает Японию со средневековыми государствами, через яркие образы показывает коррупционность японского общества, неразбериху в Парламенте, антикоммунистические настроения среди населения [12, с.35].

Читателям газеты «Правда» рекомендовалась к чтению книга французской журналистки Анре Виолис «Япония и ее империя». Как пишет корреспондент газеты: «Книга интересна не общими рассуждениями, а своими политическими зарисовками, очерками. Взятничество японских сановников, злоупотребления на парламентских выборах. Много внимания уделяет японской армии. Библией молодого японского офицерства является «план национальной реорганизации». Виолис дает потрясающее описание нужды и эксплуатации японских трудящихся» [13, с.3].

Ярким примером влияния власти на общество является распространение книги Т.О. Конроя «Японская угроза», которая вышла 50000-м тиражом в СССР. Автор данной работы дает подробное описание японского общества: психологии, быта, традиций и т.д. Эта книга была удостоена тщательного прочтения и комментирования Сталиным, которые так же можно отнести к средствам коммуникаций, так как это язык власти, через который она общается с массами. Вот один из отрывков книги Конроя: «В XVI столетии Монтан писал: «Японцы находят удовольствие в жестокости, кровопролитии». Это верно и теперь. Их жажда крови не ограничивается их восхищением перед убийством внушенным политическими или патриотическими целями.

Такова психология современной Японии. Это – психология народа – дикарей, воспитанного в современной военной обстановке, внезапно воспринявших результаты западной машинной цивилизации. За внешним лоском скрывается убеждение в том, что японцам принадлежат божественное право управлять миром, убеждение в превосходстве над другими народами мира; это сделало их религиозными фанатиками, божеством которых является Япония» [14, с. 24–25].

Сталин дает следующую оценку японцам, на основании прочитанного: «ужас, вот мерзавцы, вот же сволочи» [14, с. 60, 77, 90]. Таким образом, можно сделать заключение, что Иосиф Виссарионович предполагал, что данная книга вызовет такие же эмоции и настроения у советского читателя, как и у него, а значит, еще более вырастит неприязнь к японскому государству.

В 30-е годы советским руководством активно в качестве средства политической коммуникации начинает использоваться кинематограф. Связано это в первую очередь с

появлением звукового кино, которое с помощью слов, языка усиливает образы киногероев в представлениях масс. Преимущества данного вида коммуникации в том, что он делает акцент на эмоции и настроения населения. Наблюдая за событиями на экране, зритель переживает вместе с героями, у него создается иллюзия естественности происходящего, что вызывает эффект сопричастности. Тем самым идеологические установки, растворенные в фильмах того времени, воспринимались как нечто внутреннее, пережитое.

Именно кино может создать и передать зрителю образы, которые останутся в его памяти и станут частью его понимания событий в стране и мире. Плюс кинематографа в том, что оно становится доступным и понятным для неграмотного населения, тем самым, становясь источником информации, который внушает доверие.

На XII съезде ВКП(б) И.В. Сталин отметил, что «кино есть величайшее средство массовой агитации. Задача – взять это дело в свои руки» [15].

Освоение звукового кино в начале 30-х гг. обусловило изменение художественной природы кино. Звучащее слово сблизило кино с литературой и театром, создало условия для более глубокого исследования человеческих характеров средствами кинематографа, изменило изобразительное и монтажное решение фильмов. 30-е гг. стали временем подъема и утверждения советского кино на позициях социалистического реализма. Основное место заняли фильмы о рабочем классе, колхозном крестьянстве и советской интеллигенции, о борьбе Коммунистической партии за победу Октября и построение социализма.

Исторические фильмы занимают особое место в идеолого-пропагандистской работе, соответствовавшей государственной политике СССР. В связи с угрозой нападения, как со стороны Запада, так и со стороны Востока, исторические киноленты играли роль специфического коммуникативного средства, направленного на подъем и усиление патриотических чувств, необходимых для обоснования сущности современного врага.

В эти годы создаются такие классические произведения, как «Петр Первый», «Александр Невский», «Суворов», «Богдан Хмельницкий». Общая цель данных фильмов – показать национального героя и судьбу народа. Борьба народа за свою национальную независимость, оборона Отечества от нашествия завоевателей, деятельность выдающихся вождей, полководцев – таковы темы, разрабатываемые в крупнейших советских исторических произведениях.

Образ врага конструировался не только за счет гиперболизации его inferнальных качеств, но и путем гротеска. Фильмы должны были не только воодушевлять советского зрителя, но и предостерегать врагов. Примечательна в этом плане реакция Сталина на проблему, возникшую у А.П. Довженко в ходе съемок фильма «Аэроград». Если Я.Б. Гамарник опасаясь рассекречивания советского военного потенциала, запретил режиссеру поводить съемки авиации на фоне дальневосточного ландшафта, то Сталин возразил, что следовало поступить иначе, показав японцам современную боевую технику, дабы знали – нас на Дальнем Востоке голыми руками не возьмешь [16, с. 34].

О значимости кинематографа говорит факт, что 16 мая 1935 г. Шумяцкий обсуждал со Сталиным вопрос о создании нескольких агитационных художественных фильмов, которые могли быть запущены в прокат в случае военной мобилизации против основных предполагаемых противников – Японии, Германии и Польши [16, с. 36].

Вопрос об угрозе со стороны Японии был заострен в фильме братьев Васильевых «Волочаевские дни» (1937). События разворачиваются в 1918 г. во Владивостоке, куда высаживается японский десант. А художественный фильм А. Иванова «На границе» завершился документальными кадрами подлинных боев на Дальнем Востоке.

Оборонная тема, введенная в известный и популярный фильм «Трактористы» в связи с событиями на озере Хасан, сделала комедию еще более актуальной. Марш танкистов, песни трактористов, написанные братьями Покрасс на слова Б. Ласкина, связанные с народными мотивами, интересно сочетали ритм военного марша с лирикой, что подчеркивало патриотическую идею комедии.

Таким образом, в кино образ Японии был выражен в образе жестокого врага, милитариста, самурая.

Кинематография выступает в неразрывном органическом единстве с музыкальной культурой, в частности с песней. Они начинают играть огромную политическую роль, формируя архетипы массового сознания. Именно в 30-е годы песня становится одним из средств политической коммуникации. Специфика песен в том, что они, в большей части, становятся частью массовой культурой и воспринимаются населением как народные, то есть исходящие не от власти, а от самого человека. Следовательно, те образы, которые власть закладывала в песни, воспринимались населением как исходящие от них, то есть это было их восприятием и пониманием. Образ Японии представлен в советских песнях, написанных в связи с событиями на озере Хасан, как страны-самураев, мечей.

Исторический опыт использования средств политических коммуникации в СССР и России очень богат, причем ключевыми в освоении, применении новых технологий для пропаганды являются 30-е годы XX в. Власть осознает важность и значение применения средств коммуникаций в формировании нового советского общества. Развитие общественного сознания советским руководством проходило систематически, комплексно, планомерно. С помощью прессы, литературы, кинематографа и музыкальной культуры власть реализовала в массах свои интересы, прежде всего, социально-политические. Усилия советского руководства были направлены на создание режима «осажденной крепости», что позволило ему сфокусировать внимание населения на проблеме внешней опасности. Эта идея сплотила население страны вокруг партии и личности Сталина, подняв его авторитет.

Результат использования политических коммуникаций в формировании образа Японии проявился в том, что перед второй мировой войной японцы ассоциировались в глазах советских людей с такими словами, как «самурай», «милитарист», «шпион», «враг», то есть в массовом сознании было создано негативное отношение к Стране Восходящего солнца.

Немаловажную роль в формировании негативного восприятия Японии сыграл топографический фактор. Являясь соседом на Дальнем Востоке, Япония на тысячи километров удалена от Москвы. Отсюда определенное состояние «удаленного соседства». Географическая сопредельность служит фактором не столько сближения, сколько разъединения, взаимного недоверия между народами.

Определенную роль в формировании негативного образа Японии сыграли цивилизационно-культурные различия между странами. Восток для большинства населения СССР был загадкой, тайной, следовательно «чужой» культурой, что отталкивало человека от этой страны.

1930-е годы являются ключевыми в отношениях двух стран. Именно в этот период времени формируется образ Японии, который на многие десятилетия закрепится в советском общественном сознании, и будет определять содержание складывающихся советско- и российско-японских отношений.

Список источников и литературы:

[1] Грачев М.Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. № 1. 1999. С. 24–39.

- [2] *Грачев М.Н.* К вопросу об определении понятий «политическая коммуникация» и «политическая информация» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. № 4. 2003. С. 34–42.
- [3] *Kenez P.* The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilisation. 1917–1929. Cambridge, 1985.
- [4] Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
- [5] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 447. Л. 60–75.
- [6] Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
- [7] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Составители О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М: «АИРО-XX», 1995.
- [8] Правда. 8 декабря. 1934.
- [9] РГАСПИ. Ф. 558. оп. 3. д. 18. Л.21-30.
- [10] *Павленко В.* На Востоке. М.: Советская литература, 1935.
- [11] *Кулешова Н.Ю.* «Большой день»: Грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. №1. 2002. С. 181–191.
- [12] *Пильняк Б.* Камни и корни. М.: Советская литература, 1935.
- [13] Правда. 10 декабря. 1934.
- [14] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 98. Л. 215.
- [15] *Сталин И.В.* Сочинения. – <http://www.petrograd.biz/stalin/6-2.php> (23.12.2006)
- [16] *Багдасарян В.Э.* Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х гг. // Отечественная история. №6. 2003. С. 31–46.